

Андрей Белый

ЗАПИСКИ ЧУДАКА

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

- Б43 Записки чудака / А. Белый. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 388 с. — (Модное чтение).

Андрей Белый (1880–1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Записки чудака» — необыкновенный роман, пронизанный автобиографическими аллюзиями. Художественный анализ самосознания и духовной жизни героя, мир переживаний и раздвоенности используется автором для поисков пути совершенствования человека и осознания его связи с Космосом. Написанная невероятно образным, эмоциональным языком, эта книга оставит неизгладимый след в душе каждого читателя.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.	5
--------------------------	---

ТОМ ПЕРВЫЙ

На холме.	9
Комната	15
Берн.	19
«Они»	25
Нэлли	31
Москва.	35
Льян.	39
Памир: крыша света	45
Восходы зари невосшедшего солнца	53
Писатель и человек.	59
Назначение этого дневника	61
Устои	63
Леонид Ледяной.	65
Два «я».	73
Снова в Дорнахе.	79
Иоанново здание.	83
Храм славы	89
Владимир Соловьев	93
Последняя прогулка!	103
Перед отъездом	109
Во Франции.	129
Платформа	137
За границей сознания.	139
Кем я был?	147
Переживания лекций	153

Мистерия.....	155
Война	159
Болезнь	163
В вагоне.....	169
Париж.....	175
Гавр	179
Маркой выше	185

ТОМ ВТОРОЙ

Лондон.....	193
Фантасмагория.....	201
Лондонская неделя.....	213
На Северном море.....	233
У крутых берегов погибает корабль.....	241
Это — смерть	251
Биография	259
Миг.....	271
Где «я»?	279
Перед Бергеном.....	285
Три года назад.....	289
Берген.....	293
Площадь.....	299
Сумасшедший.....	307
Снова в поезде.....	311
Биография	313
Послесловие к рукописи Леонида Ледяного, написанное чьей-то рукой.....	383
Послесловие	385

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эпопея есть серия мной задуманных томов, которые напишу я, по всей вероятности, в ряде лет; «Записки Чудака» — предисловие — пролог к томам: в ней берется лишь издали тема, которая конкретно лишь отчеканится серией романов; отсюда абстрактность и неудобочитаемость «пролога»; тем не менее в общей концепции я считаю необходимым его. Здесь следует оговориться. Герой пролога «Я»; этот «Я», или это «Я», не имеет же никакого касания к «Я» автора; автор «пролога» Андрей Белый; герой пролога — Леонид Ледяной; этим все сказано: Леонид Ледяной — не Андрей Белый.

Андрей Белый
Берлин, 2 января 1922 года.

ТОМ ПЕРВЫЙ

НА ХОЛМЕ

Я стоял на лобастом холме; надо мной розовела руина; зарели из зелени крыши домишек; там — Дорнах; там кряжисто стены бросали в зарю черепицу; там Бирс под горбатым мостом обрывал, клопоча, белоструи; равнина тянулась за ним; распахнулся отчетливо воздух; и синие гребни Эльзаса прорезались явственно; бухала пушка оттуда.

Два года ворчала громами на нас мировая война; воздушные светлы лучил просвещающий воздух; зарело: зеленое небо казалось стеклянным; лилово-багряные клочья летели; синились окрестности; брызнули звезды; остановился и — долго смотрел пред собой; знал, что — кану отсюда; меня призывали: как малое зернышко, должен был ссыпаться я в ненасытную молотилку войны.

Ухватился за Нэллину руку; и весь приник к Нэлли.

В плаще, разлетающемся белоснежными складками, в белой своей панама, в легкой тунике с желтой столою, перепоясанной серебряной цепью, играя кудрями, она прикоснулась к плечу своим личиком; и повеяло от ланит ее розовым воздухом; и фосфорически ясные два ее глаза, ласкаясь, сняли с меня оболочку мою, как легчайшую пленочку калькомани, соединяясь с душою; но острые скорби снедали меня: моя Нэлли останется, я же бросаюсь в пространства, гремящие порохом, полные копоты, полные запахов крови; мы не жили с Нэлли в разлуке; и горе, и радость делили мы вместе; и пестрые страны бросались на нас — от прибережий Сахары до... гор крутобокой Норвегии; от горизонта вставал Южный

Крест; за спиной опускалась Большая Медведица; вот — разлучаюсь я с Нэлли; я был, как слепой, без нее.

Уж темнело; тускнел пролетающий воздух; и звездное небо, казалось, садилось над нами; проглядные глянца остыли; и гребни Эльзаса, как в плащ, запахнулись в воздухе; лаяла сиплая пушка.

Тут Нэлли меня повернула; над купами в дышащих, пересыпающих блески, темнеющих небесах созревали синеющей силой — два купола; два гиганта, круглясь — из темнеющих высей, расширились ляпис-лазурами: от огромных массивов тяжелого дуба, гранимого формами.

Пересечение дуг, плоскостей, образующих мощные гранники — в хоры хоралов, поющих кристаллами дерева, и градация деревянных тонов, отработанных множеством острых стамесок... — вот-вот: Иоанново Здание. На заре эти гранные формы, покрытые воском, легкоперламутрились, а купола, вырастая в них, говорили нежнейшие речи из легких небесных отливов; чернели и входы, и окна бетонных подножий — сплошным лабиринтом колончатых ходов; и — бесколонных пустот.

Иоанново Здание было в лесах; на гололобый портал нахлобучили щит, и леса проступали чудовишной формы, напоминающие допотопные брони умерших животных.

Весною, зимою и летом — на сырости, в жаре, в прохладе, под едкими стрелами громкого солнца, в сырых бисеринках дождя, в хрусталях гололедии, в снежинках, в крутимой ветрами пыли, на площадках, внутри круглогранного зала, над пятигранной колонною — высоко — громоздясь на лесах пирамидой, ящики, забираясь на них, с риском рухнуть, сломав себе шею, но от-